

7 ТОМ 2
2019

ПРЕПОДАВАНИЕ **ИСТОРИИ** *в школе*

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАК РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»

Актуальная тема

Инвалидность как
социокультурное явление

3 Е.Э. Носенко-Штейн

Введение. Актуальность темы

Инвалидность в традиционной русской культуре

6 А.В. Фролова

Отношение к рождению ребенка-инвалида в
крестьянской среде (по материалам Русского
Севера)

10 Н.В. Шляхтина

Забота о сиротах и убогих в традиционной
русской деревне

15 В.Е. Добровольская

Инвалидность в русской фольклорной
традиции

Проблемы людей с ОВЗ в России в настоящее время

19 Е.Э. Носенко-Штейн

Где учиться ребенку с инвалидностью:
инклюзия vs. коррекция?

25 Ю.Н. Феденок, Д.А. Дронова

О чем говорит образ человека с ограниченными
возможностями в представлении российской
молодежи?

30 Г.С. Широкалова

Субкультура как фактор инвалидизации

Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, практики, жизненные стили). Сб. Статей / Отв.ред: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Издательство МБА, 2018.

Данная книга представляет собой первую в нашей стране попытку представить социально-антропологический анализ инвалидности как культурного феномена, а также проблем людей с ограниченными возможностями здоровья. Она охватывает теоретические проблемы изучения инвалидности, а также различные вопросы, связанные с социо-культурными практиками людей с инвалидностью, анализ их жизненных стилей и поведенческих аспектов. В написании книги приняли участие ученые, специализирующиеся в разных областях социальных и гуманитарных дисциплин (социо-культурной антропологии, социологии, социальной психологии, фольклористики и литературоведения) из России, Швеции и США.

Книга будет интересна широкому кругу читателей, учителям, ученым и студентам.

Адрес для корреспонденции: 119313, Москва,
Ленинский проспект, д. 95.
ООО «Преподавание истории в школе»

Тел: 8-919-770-9122
Наш сайт: www.pish.ru
E-mail: pishinfo@rambler.ru

Формат 70 x100 1/16
Тираж 1800 экз. Заказ № К-7538.

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.8 (8352) 64-24-01
www.ipk21.ru

© ООО «Преподавание истории в школе», 2019, № 7 (том 2)

Главный редактор *Р.В. Пазин*
Зам. главного редактора *И.Ю. Зая*
Зав. отделом методики *О.Н. Шапарина*
Координатор номера *А.В. Фролова*

Редакционный совет:

**И.А. Альтман, М.Д. Афанасьев, А.В. Белова,
Л.В. Белгородская, А.В. Буганов, О.В. Волобуев,
Е.Е. Вяземский, А.А. Данилов, А.Е. Демидчик,
И.Ю. Зая, В.В. Зверев, А.Н. Иоффе,
О.Е. Казьмина, О.С. Клишина, М.В. Короткова,
И.В. Крутова, В.М. Кузнецов, И.А. Ладынин,
А.Ю. Морозов (председатель), З.З. Мухина,
О.Н. Наумов, Н.Л. Пушкарева, Е.В. Саплина,
А.Б. Соколов, Я.В. Соловьев, О.Ю. Стрелова,
В.Н. Тимошенко, В.А. Тишков, А.В. Фролова,
А.М. Цирульников, М.Г. Цыренова,
О.Н. Шапарина, Е.А. Ямбург**

**Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала
или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.**

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

На стр. 1 обложки: фрагмент картины «Крестный ход в Курской губернии», И.Е. Репин, 1880–1883 гг.

Мнение авторов статей может не совпадать с мнением редакционного совета журнала

Е.Э. Носенко-Штейн

Где учиться ребенку с инвалидностью: инклюзия vs. коррекция?

В этом сообщении пойдет речь об обучении детей с физической инвалидностью: сенсорными нарушениями (слепота, глухота), заболеваниями опорно-двигательного аппарата (ОДА), заболеваниями нервной системы (ДЦП) и некоторые другие (обучение детей с ментальными и психическими расстройствами здесь не рассматриваются).

В СССР большинство детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) обучались в так называемых специальных школах: для слепых и / или слабослышащих, для глухих, с заболеваниями ОДА и т. п. Нередко, особенно в мегаполисах, где родителям из-за больших расстояний было сложно ежедневно возить детей в такие школы и забирать оттуда, они были организованы как школы-интернаты, где большинство детей находилось с понедельника по субботу, возвращаясь домой на полдня субботы и воскресенье, а также на школьные каникулы. В таких школах обычно были небольшие классы (на 10–15 чел., иногда меньше); персонал был специально подготовлен (учителя проходили курс так называемой дефектологии, сейчас обозначаемой как коррекционная педагогика), обучение было более длительным, чем в обычной школе и продолжалось 11 лет (вместо 10 лет в обычной школе). Кроме того, в этих школах присутствовали начальные формы бытовой и трудовой реабилитации: например, незрячих детей учили ходить с белой тростью, глухих – жестовому языку; учеников старших школ возили на специальные предприятия для инвалидов, где работали люди с ОВЗ.

В 1990-х гг. начались серьезные изменения в сфере школьного образования для детей

с ОВЗ. В рамках получившей наибольшее распространение социальной модели инвалидности (см. Введение к этому выпуску) коррекционные школы все более рассматривались как инструмент подавления личности учеников, контроля за ними, их изоляции от окружающего мира. Ряд коррекционных школ был упразднен; другие из ведения Министерства образования были переданы в Министерство социальной защиты. Все большее распространение получала идея инклюзивного образования, при котором дети с ОВЗ учатся в обычных / массовых школах, хотя и создаются специальные условия (лифты и пандусы для так называемых «колясочников» и пр.). Эта концепция стала особенно популярна в России с точки зрения равенства прав, в том числе прав на полноценное образование¹.

С целью выяснить мнение самих людей с ОВЗ о предпочтительности формы обучения для детей с инвалидностью в 2015–2018 гг. в ряде городов РФ было проведено исследование. Оно включало в себя как серию глубинных интервью (127) с людьми с ОВЗ, так и анкетный опрос*, а также ряд экспертных интервью с руководителями организаций для инвалидов и специальных школ. Интервью и опросы проводились в Москве, Волоколамске (Московская обл.), Смоленске, Нижнем Новгороде и Архангельске. Опрос проводился в этих же городах, выборка включала 298 чел.; из них 215 чел. – инвалиды детства (т. е. около 3/4 опрошенных); это не соответствует тому, что, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, инвалиды детства составляют около 15 % от общей численности инвалидов². Такой «перекос» объясняется тем, что

* Выражаю сердечную благодарность Е.А. Зайцевой, обработавшую результаты опроса в программе SPSS for Windows 10, а также составившей ряд графиков.

Елена Эдуардовна Носенко-Штейн – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

E-mail: nosenko1@ies.ras.ru

в ходе исследования мне неизбежно приходилось опрашивать людей с ОВЗ в организациях для инвалидов (Всероссийском обществе слепых; Всероссийском обществе инвалидов), а также среди студентов и выпускников колледжей и вузов, где учатся люди с ОВЗ (Кисловодский медицинский колледж, который готовит людей с нарушениями зрения к профессии массажистов; Российский государственный социальный университет, где обучаются глухие студенты, и др.). Таким образом, перед нами «смещенная выборка», но в данном случае она позволяет сделать предварительные выводы о предпочтениях людей с ОВЗ в области школьного образования. Для этого исследования были проанализированы 172 анкеты (в которых респонденты давали ответы на почти 100 вопросов о разных сферах своей жизни). Кроме того, я стремилась также опрашивать людей, не вовлеченных в сферу деятельности организаций для инвалидов, для чего находила информантов с помощью принципа «снежного кома» (когда информант по просьбе интервьюера рекомендует для интервью своих знакомых, те – своих, и т. д.).

Доводы «за» и «против»

Почти половина (49 %) опрошенных инвалидов детства получили среднее общее образование в коррекционных или специализированных школах, 37 % – в обычных школах и 11 % обучались на дому. 3 % не дали ответа на вопрос о форме своего образования.

Одни и те же вопросы задавались инвалидам детства и тем, кто получил инвалидность во взрослом возрасте. На вопрос о том, в какой школе лучше учиться ребенку с инвалидностью, коррекционные школы предпочли 42 % опрошенных, 35 % из них «проголосовали» за обычные школы, а 4 % выступили за обучение «дома с преподавателями». 15 % дали другие ответы, которые сводились к мнению, что этот вопрос следует решать индивидуально в каждом конкретном случае, исходя из состояния здоровья ребенка и его возможности (рис. 1).

Несколько респондентов оставили комментарии к своим ответам. Шесть человек считали оптимальным обучение ребенка с ОВЗ в коррекционной школе и четверо из них отмечали, что теоретически такому ребенку лучше учиться в хорошей обычной школе, но поскольку пока в таких школах невозможно обеспечить необходимые условия, то ребенку с инвалидностью лучше обучаться в коррекци-

онной школе. Двое (оставивших подобные комментарии) подчеркивали, что такому ребенку лучше обучаться в специальной / коррекционной школе, в которой не должно быть гиперопеки, а дети были «коммуникативно готовы к общению с обществом» (т. е. к интеграции в общество, состоящем преимущественно из условно здоровых людей). Те, кто предпочел обучение в обычной / массовой школе, отмечали, что в них необходимо проводить тренинги «для здоровых по налаживанию общения с такими детьми».

Различия в предпочтении форм обучения нередко коррелируют с возрастом: люди старше 45 лет, учившиеся в коррекционных школах в советское время, часто отдают им предпочтение. Так, Ольга К., 58 лет, инвалид детства (1 группа по зрению, училась в специальной школе для слабовидящих), говорила (Москва, 2018): «Лучше, конечно же, специальная школа. Ну что, мы только учились на год дольше, а так программа ведь та же была. У нас многие ребята потом в институты поступили. А учиться у нас ребенку с плохим зрением, конечно, легче, и не дразнил никто».

Владимир З., 62 года, инвалид детства, (2 группа по зрению), учившийся сначала в обычной школе, потом в специальной школе для слабовидящих, во время интервью не раз подчеркивал, насколько ему легче было учиться в специализированной школе: «Да все эти мучения прямо разом кончились. К доске дают подойти, можно наклониться совсем низко, с лупой читать, а там «в обычной школе» все это было нельзя. Или замечание глупое сделают».

Выбор в пользу той или иной системы обучения связан также с возрастом наступления инвалидности. Так, 50 % инвалидов детства считают, что ребенку с ОВЗ лучше обучаться в коррекционной школе; среди тех,

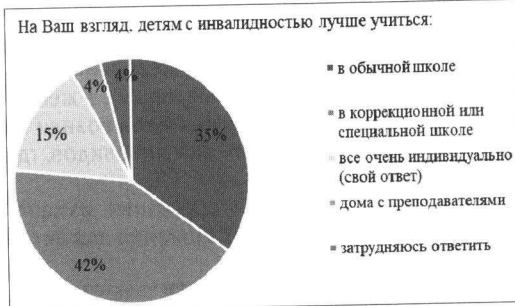

Рис. 1. Предпочтительная форма школьного обучения, N=172

кто стал инвалидом в возрасте старше 18 лет, так думают 25 % опрошенных (рис. 2).

Инвалиды детства могут иметь основанное на личном опыте мнение о конкретных достоинствах и недостатках разных типов школ. А люди, ставшие инвалидами во взрослом возрасте, учились в обычных школах и не имеют представления о преимуществах или недостатках коррекционных школ и о специфике обучения ребенка с инвалидностью в массовой школе (поэтому их ответы имеют более абстрактный характер). Люди, сами учившиеся в коррекционных школах, чаще выступают в пользу обучения детей с инвалидностью именно в них. Обучавшиеся в обычных школах

полагают, что таким детям лучше учиться в инклюзивных школах, за них же выступают и те, кто учился на дому. Среди последних в выборке преобладают люди с заболеваниями ОДА, для которых сложно (а иногда и невозможно) добраться в школу из-за отсутствия безбарьерной среды (нехватки пандусов, специальных лифтов в метро, низкопольных автобусов и трамваев и т. д.); для них не приспособлены здания обычных школ (отсутствие тех же лифтов, пандусов, специально оборудованных туалетов и пр.). Поэтому, став взрослыми, такие люди имеют отвлеченное представление о плюсах и минусах инклюзивного и коррекционного обучения.

Таблица 1

Каковы, на ваш взгляд, достоинства и недостатки обучения детей с инвалидностью в обычной и коррекционной школе? (N=154)

Обычная школа			
Достоинства	%	Недостатки	%
ребенок не растет изолированным от обычной жизни	76	преподаватели не имеют достаточной подготовки	68
ребенок общается со сверстниками	44	школа не приспособлена для обучения инвалидов	67
ребенок учится по обычной программе	26	дети бывают жестокими, лучше не травмировать ребенка лишним раз	40
Никаких	12	ребенок испытывает трудности в обучении	31
		никаких	6

Что касается конкретных достоинств и недостатков обучения в тех или иных школах, то табл. 1 показывает, что в числе достоинств обучения в инклюзивной школе большинство респондентов видят отсутствие изолированности детей с инвалидностью от мира условно

Рис. 2. Предпочтительная форма школьного обучения в связи с временем наступления инвалидности, N=172.

здоровых людей. В числе недостатков такой системы обучения чаще всего обращают внимание на неподготовленность учителей и неприспособленность самого школьного здания, реже — на жестокость детей.

В числе достоинств обучения в коррекционной школе опрошенные чаще всего указывают на то, что школьное здание приспособлено для обучения ребенка с инвалидностью, персонал специально обучен, а дети растут среди себе подобных и не испытывают плохого отношения со стороны сверстников (т. е., картина «зеркальная»). Это справедливо и в отношении называемых респондентами недостатков таких школ: замкнутость детей в социокультурном «инвалидном гетто» и их неподготовленность к жизни в мире условно здоровых людей.

Байрамкис, 48 лет, инвалид детства (2 группа по зрению), массажистка, училась

в коррекционной школе, затем в Кисловодском медицинском училище для незрячих и слабовидящих, рассказывала, как она чувствовала себя после окончания коррекционных учебных заведений (Москва, 2015): «После школы, где мы все были примерно одинаковые, я ведь еще два года училась в Кисловодске. Там все такие были, и мы как бы варились в собственном соку. <...> Когда я вышла замуж и переехала в Кемерово, я не просто комплексовала, я была страшно зажата, чувствовала себя страшно некомфортно».

Более того, такая замкнутость школьного коллектива, когда дети остаются вместе почти целую неделю круглые сутки, приводит к различным негативным последствиям. Елена Л., 58 лет, инвалид детства (3 группа по зрению), учившаяся в школе для слепых и слабовидящих, рассказывала об обстановке, сильно напоминающей сюжет известного фильма «Чу-

чело» (когда один или несколько детей подвергаются травле и бойкоту со стороны одноклассников) (Нижний Новгород, 2016): «Меня в эту школу перевели, когда я была в пятом классе. И когда я туда пришла, я просто в ужасе была. Всех себе подчинила одна девочка, она была старше, в каждом классе по два года сидела, наверное. Это был настоящий концлагерь – у всех какие-то обидные клички, над всеми она и ее, ну, приближенные, что ли издевались <...> Я все рассказала маме, она устроила дикий скандал, эту девочку выгнали <...> Не понимаю, как учителя и воспитатели всего этого не замечали».

Подобные случаи наблюдались не только в нашей стране; исследователи описывали ситуацию в закрытых специальных учреждениях в других странах³.

Ряд опрошенных считает, что уровень обучения в таких школах ниже и после них труд-

Таблица 2

Каковы, на ваш взгляд, достоинства и недостатки обучения ребенка с инвалидностью в коррекционной школе? (N=154)

Коррекционная школа			
Достоинства	%	Недостатки	%
школа приспособлена для обучения детей с инвалидностью	71	дети вырастают неподготовленными к реальной жизни	51
к детям особый подход, персонал подготовлен	65	после такой школы труднее поступить в ВУЗ, получить работу	37
ребенок общается с такими же, как он, не чувствует себя изгоем	40	Дети в такой школе учатся дольше, чем в обычной	31
детей учат адаптироваться к реальной жизни	32	никаких недостатков	19
никаких достоинств	9		

нее поступить в вуз (табл. 2).

Юлия В., 28 лет, инвалид детства (3 группа, ДЦП), училась в специальной школе для детей с заболеваниями ОДА, говорила (Москва, 2018): «Конечно, учиться я только в спецшколе могла, а как бы я была в обычной? Да меня заклевали бы, да и подход у нас был к детям нормальный. Конечно, в университеты мало кто после этой школы поступал <...> Я даже не пыталась».

Безусловно, степень инвалидизации влияет на отношение к форме обучения. Так, инвалиды 1-й и 2-й групп чаще предпочитают обучение в коррекционных школах, хотя и при-

знают, что те не свободны от уже указанных недостатков.

Например, Ольга В., инвалид детства (2 группа по зрению; прежде у нее была 3 группа), преподавательница английского языка, говорила (Москва, 2016): «Я думаю, что лучше все же учиться в инклюзивной школе. Надо привыкать к коллективу, знать что почему, а не жить в вате. Да, совсем слепым, наверно, все же лучше в спецшколах, но тем, кто видит прилично зачем?».

Выбор в пользу коррекционных школ делают также те информанты, которым по разным причинам пришлось учиться в обычной, а за-

тем в коррекционной школе (т. е. у них была возможность сравнивать, как у уже упоминавшегося Владимира З.).

Аналогичным образом отвечала Вера З., инвалид детства (2 группа, снижение зрения и слуха) (Нижегород, 2016): «Ну, что Вы, когда я перешла в спецшколу, у нас была для незрячих и слабовидящих вместе, я просто по-другому жить начала. Эти все муки мои, там не вижу, там не слышу, там еще что-то – все сразу стало по-другому <...> У нас были учебники специальные, учителя знали, как и что, нам ведь даже походку вырабатывали. А сейчас я смотрю на тех, кто эти инклюзивные школы окончил, и думаю: да как же они двигаются, как медведи, их же никто не учил!».

В то же время жестокое отношение со стороны детей в качестве значимого недостатка обучения ребенка с ОВЗ в обычной школе отмечали 40 % опрошенных.

Например, Елена Г., 42 года, инвалид детства (3 группа, слабослышащая), вспоминала (Москва, 2015): «Ой, нет, лучше было бы учиться с такими же, как я. Меня в классе не любили. Даже не просто избегали, а вообще за человека не считали, топили в луже, даже вспоминать не хочу».

Однако гораздо чаще опрошенные указывали на неподготовленность учителей в массовых школах (68 %). Это подтверждают и интервью, в которых эта тема проходит «красной нитью».

Елена Н., инвалид детства (1 группа, незрячая), говорила об этом так (Волоколамск, 2017): «Конечно, были хорошие учителя. Но были и разные. Одна, глядя на меня, сказала в классе прямо при всех: “Видно, недаром Бог тебя наказал”. Потом в колледже у нас был такой странный дядечка, тоже преподаватель, он постоянно на меня указывал, что меня взвлял, как в нагрузку».

Наталья Бархатова (псевдоним Джимбо Ди), заболевание ОДА (синдром Меньера), инвалидность не оформляла, в своем посте в Живом Журнале писала: «В школе я всегда была белой вороной и синей овцой» (далее Наталья вспоминала, как учителя не могли найти к ней правильный подход) (*Наталья Бархатова (Джимбо Ди)*). Дорогу указывает мечта. <http://www.aspergers.ru/node/293>.

И хотя, как мы видели, в коррекционных школах преподаватели могли «не замечать» издевательства по отношению к тем или иным детям, в массовых школах травля *Других* при попу-

стительстве учителей – явление более частое, на что нередко обращалось внимание ученых⁴. В коррекционной школе ребенок с инвалидностью находится среди себе подобных и не чувствует себя изгоем (40 %), хотя и там случаи травли не исключены (но по иным причинам).

Хотелось бы также обратить внимание на кажущееся противоречие: почти треть (32 %) опрошенных отметили, что в коррекционной школе детей учат адаптироваться к реальной жизни, тогда как самый распространенный недостаток коррекционной школы – как раз неподготовленность к реальной жизни. В интервью люди нередко объясняли, что в коррекционных школах дети с инвалидностью получают первичную реабилитацию, которую им не всегда дают в семье (правильно двигаться, ходить с белой тростью, знать язык жестов и пр.), Это они имеют в виду, говоря об адаптации к реальной жизни, т. е. возможностью жить более или менее самостоятельно.

Двое опрошенных указали как на достоинство массовых школ пользу совместного обучения для условно здоровых людей и общества в целом, т. к. это помогает выработке толерантных отношений⁵. В качестве минусов инклюзивных школ некоторые респонденты указали на привычку к поблажкам, которые в таких школах неизбежны для детей с инвалидностью; один из респондентов написал, что дети с инвалидностью могут мешать условно здоровым детям (по-видимому, из-за того, что они медленнее справляются с заданиями). Четверо респондентов отметили в качестве достоинств коррекционных школ как раз более успешное усвоение школьной программы благодаря специально скорректированным учебным планам и почти индивидуальному подходу; в числе минусов, как уже говорилось, чаще всего указывают на трудности общения и дальнейшей интеграции в мире условно здоровых людей (10 респондентов). Один респондент отметил, что «в таких школах часто присутствуют дети с несохранным интеллектом, в результате чего общий уровень образования падает». Это последнее суждение свидетельствует о сильнейшей стигматизации детей с ментальными нарушениями; кроме того, в последние два десятилетия специальные классы для таких детей во многих коррекционных школах ликвидированы.

Закключение

В качестве предварительных выводов можно сказать следующее. Инклюзивное образо-

вание – это, по-видимому, наиболее оптимальная форма обучения для многих детей с инвалидностью в будущем. Однако в настоящее время школьная система в целом к ней не подготовлена: не хватает специально оборудованных школьных зданий, нет доступной среды в подавляющем большинстве российских городов и поселков, мало специально обученных учителей. Более того, само российское общество плохо представляет себе, кто такие люди с ОВЗ и как правильно себя вести по отношению к ним⁶. Вдобавок некоторые категории инвалидности (тотальная слепота, глухота, тяжелые формы ДЦП, рассеянного склероза и др.) требуют наличия специального оборудования, компьютерных программ, учебных пособий и т. п., что вряд ли может в обозримом будущем быть предоставлено детям с инвалидностью во всех без исключения обычных школах. Поэтому, справедливо критикуя коррекционные школы за их замкнутость, изолированность учеников от мира, возможность злоупотреблений и пр., их не следует упразднить или переводить в ведение Министерства социальной защиты, что неизбежно влечет за собой снижение качества обучения. Процесс введения инклюзивного образования не следует искусственно ускорять; даже в Скандинавии, страны которой считаются наиболее благоприятными для людей с ОВЗ, переход к таким школам начался в 1840-е гг. и был постепенным⁷. Коррекционные школы следует реформировать, сделав процесс обучения и воспитания там более прозрачным, доступным родительскому и общественному контролю, что, впрочем, необходимо и для многих «обычных» школ. Пока последние позволяют ребенку с ОВЗ лучшие способности для адаптации, но не более высокий, по сравнению с хорошими коррекционными школами, уровень обучения. Необходимо также помнить – и это чрезвычайно важно – что, как подчеркивали в интервью со мной бывшие отечественные специалисты, ныне работающие за рубежом: успешное обучение ребенка в инклюзивной школе требует огромной помощи со стороны семьи⁸. Однако далеко не каждая российская семья имеет возможность такую помощь оказать.

Ключевые слова: инклюзивные школы, коррекционные школы, образование, Россия

Keywords: inclusive schools, correctional schools, Russia

Примечания

¹ Подробнее об инклюзивном образовании и его внедрении в 1990-е – начале 2000-х гг. см.: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006.

² Всемирный доклад об инвалидности URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/ru/

³ Góbor E. Living with a disability in Hungary: reconstructing the narratives of disabled students // Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. (Eds.) Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. History, policy and everyday life. London, 2014.

⁴ Бутовская М.Л., Луценко Е.Л., Ткачева К.Е. Булинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников // Этнографическое обозрение, 2012, № 5. С. 139–150; Вишневская В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе // Этнографическое обозрение, 2010, № 2. С. 55–68.

⁵ Об отношении условно здоровых школьников и студентов к детям с инвалидностью и о возможности выработки толерантного отношения к ним см.: Черкасова Т.В. Проблемы инклюзии детей с ОВЗ в общеобразовательные школы // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Инвалиды – инвалидность – инвалидизация» (27–28 сентября 2018 г.). Нижний Новгород, 2018. С. 280–284; Феденок Ю.Н., Дронова Д.А. Социокультурные аспекты инвалидности в современном российском городе (на примере г. Казани) // Вестник антропологии, 2018. № 4. С. 104–111; Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. Эмпатия и интолерантность российской молодежи в отношении инвалидов: половые и личностные различия // Экспериментальная психология, 2019. Т. 12. № 1. С. 53–69.

⁶ Об отношении к людям с ОВЗ в нашей стране см., например: Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) / Отв. ред. Курленкова А.С., Носенко-Штейн Е.Э. М., 2018.

⁷ Калиникова-Магнуссон Л. Онтология непротиворечивости социальной конструкции специального и инклюзивного образования // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Инвалиды – инвалидность – инвалидизация» (27–28 сентября 2018 г.). Нижний Новгород, 2018. С. 387–391

⁸ Носенко-Штейн Е.Э. Жить и работать в Израиле: опыт бывших советских иммигрантов с нарушениями зрения // Многоликий Израиль: культуры и идентичность. М., 2019 (в печати).